

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

БАСНИ КРЫЛОВА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Иван Крылов

БАСНИ

Художник
Анатолий Савченко

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лезть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

* * *

Вороне где-то Бог послал кусочек сыра;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, – Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие пёрушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньяина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, –
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу, пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

* * *

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

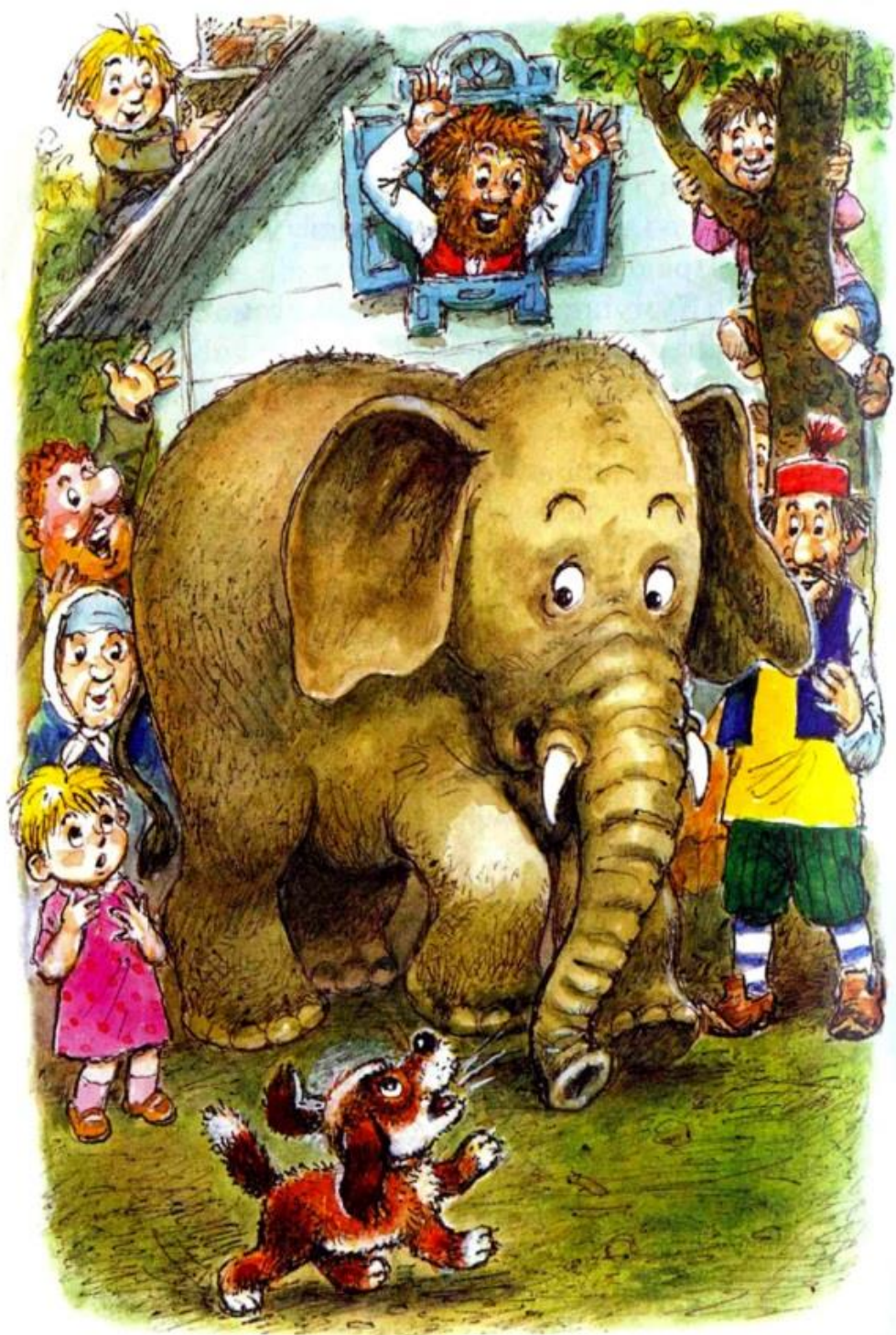
СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настаёт;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!

Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» –
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» –
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». –
«А, так ты...» – «Я без души
Лето целое всё пела». –
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно напоказ. —

Известно, что Слоны в диковинку у нас, —
Так за Слоном толпы зевак ходили.

Отколе ни возмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,

И лаять, и визжать, и рваться,
Ну так и лезет в драку с ним.

«Соседка, перестань срамиться, —
Ей шавка говорит, — тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идёт

Вперёд

И лаю твоего совсем не примечает». —

«Эх, эх! — ей Моська отвечает, —
Вот то-то мне и духу придаёт,

Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.

Пускай же говорят собаки:

«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

ВОЛК И ЯГНЁНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?
За дерзость такую
Я голову с тебя сорву». —

«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;

И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —

«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!» —

«Помилуй, мне ещё и отроду нет году», —

Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». —

«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват

И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите

И, если можете, то мне всегда вредите,

Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —

«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». —

Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

ОСЁЛ И СОЛОВЕЙ

Осёл увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твоё услышав пенье,
Велико ль подлинно твоё уменье?»
Тут Соловей являть своё искусство стал:
Защёлкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало всё тогда любимцу и певцу Авроры:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом:
«Изрядно, – говорит, – сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком ты с нашим петухом;
Ещё б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и – полетел за тридевять полей.

* * *

Избави, Бог, и нас от этаких судей.

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашёл Жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

* * *

Невежи судят точно так:
В чём толку не поймут, то всё у них пустяк.

КВАРТЕТ

Проказница-Мартышка,

Осёл,

Козёл

Да косолапый Мишка

Затеяли сыграть Квартет.

Достали нот, баса, альты, две скрипки

И сели на лужок под липки, –

Пленять своим искусством свет.

Ударили в смычки, дерут, а толку нет.

«Стой, братцы, стой! – кричит Мартышка. –

Погодите!

Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.

Ты с басом, Мишенька, садись против альты,

Я, прима, сяду против вторы;

Тогда пойдёт уж музыка не та:

У нас запляшут лес и горы!»

Расселись, начали Квартет;

Он всё-таки на лад нейдёт.

«Постойте ж, я сыскал секрет! –

Кричит Осёл, – мы, верно, уж поладим,

Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно в ряд;

А всё-таки Квартет нейдёт на лад.

Вот пуще прежнего пошли у них разборы

И споры,

Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.

Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить

сомненье:

«Пожалуй, – говорят, – возьми на час терпенье,

Чтобы Квартет в порядок наш привесть:

И ноты есть у нас, и инструменты есть,

Скажи лишь, как нам сесть!» –

«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней, –
Им отвечает Соловей, –
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нём винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные как яхонты горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдёт,
Хоть видит око,
Да зуб неймёт.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен – ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьёшь».

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.

Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» –
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьём,
Иной с ружьём.

«Огня! – кричат, – огня!» Пришли с огнём.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами щёлкая и ошетиная шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит, наконец,
Ему рассчесться за овец, –
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришёл мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» – «Послушай-ка, сосед, –
Тут ловчий перервал в ответ, –
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

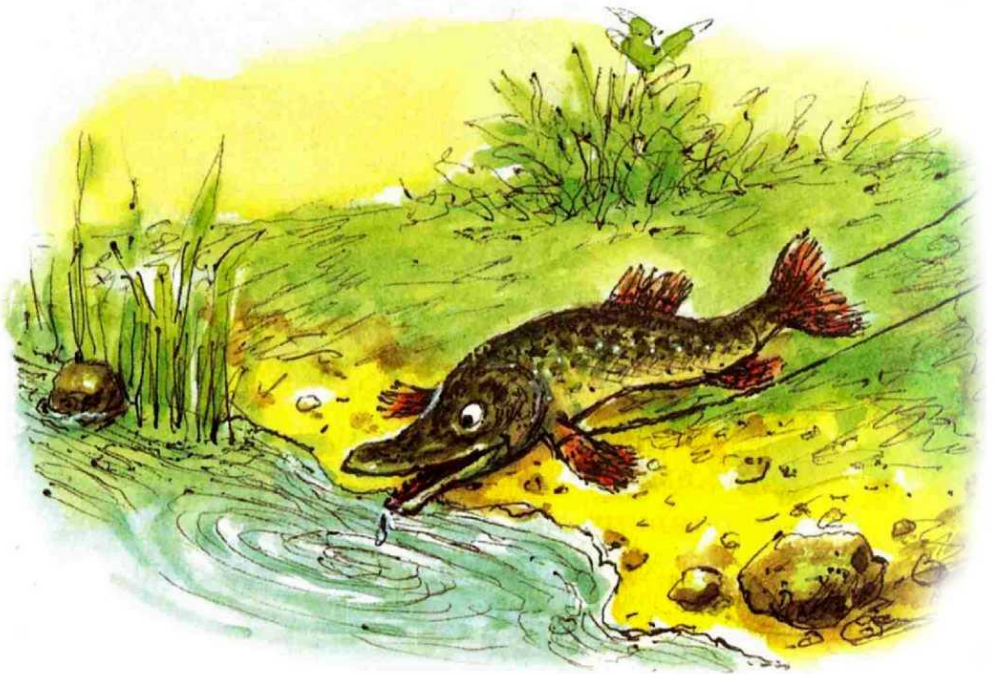

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.

* * *

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, – судить не нам;
Да только воз и ныне там.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, – говорит, – кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у неё ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на неё хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть». –
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» –
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

* * *

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». –
«Соседушка, я сыт по горло». – «Нужды нет,
Ещё тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» –
«Я три тарелки съел». – «И, полно, что за счёты:
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарём подёрнулась она.
Потешь же, миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена!» –

Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.

Однако же ещё тарелку он берёт:

Сбирается с последней силой

И – очищает всю. «Вот друга я люблю! –
Вскричал Демьян. – Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милой!»

Тут бедный Фока мой,

Как ни любил уху, но от беды такой,

Схватя в охапку

Кушак и шапку,

Скорей без памяти домой –

И с той поры к Демьяну ни ногой.

* * *

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь

И ближнего ушей ты не жалеешь,

То ведай, что твои и проза и стихи

Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

МЕДВЕДЬ У ПЧЁЛ

Когда-то, о весне, зверями
В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями,
Хоть можно б выбрать тут другого поверней,
Затем что к мёду Мишка падок,
Так не было б оглядок;
Да, спрашивай ты толку у зверей!
Кто к ульям ни просился,
С отказом отпустили всех,
И, как на смех,
Тут Мишка очутился.
Ан вышел грех:
Мой Мишка потаскал весь мёд в свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По форме нарядили суд,
Отставку Мишке дали
И приказали,
Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут.
Решили, справили, скрепили;
Но мёду всё не воротили.
А Мишенька и ухом не ведёт:
Со светом Мишка распрощался,
В берлогу тёплую забрался,
И лапу с мёдом там сосёт
Да у моря погоды ждёт.

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась;
 В сору, в навозе извалялась;
В помоях по уши досыта накупалась:
 И из гостей домой
 Пришла свинья свиньёй.
«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого? –
 Свинью спросил пастух. –
 Ведь идет слух,
Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг;
А в доме так одно богачее другого?»
Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
Я не заметила богатства никакого:
Всё только лишь навоз да сор;
 А, кажется, уж, не жалея рыла,
 Я там изрыла
 Весь задний двор».

* * *

Не дай Бог никого сравнением мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
 Который, что ни станет разбирать,
 Имеет дар одно худое видеть?

ВОЛКИ И ОВЦЫ

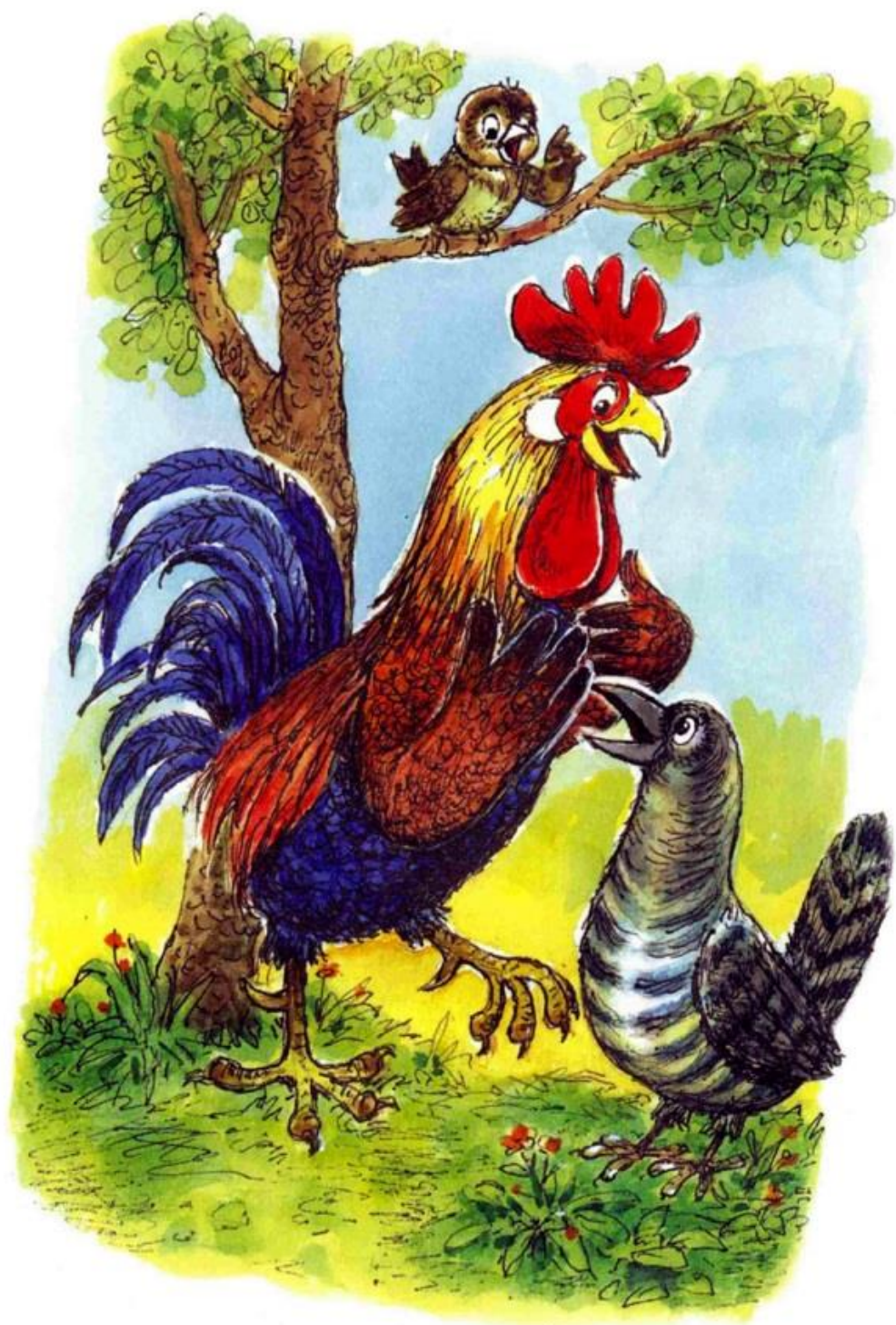
Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что, наконец,
Правительство зверей благие меры взяло
Вступиться в спасенье Овец, —
И учреждён Совет на сей конец.
Большая часть в нём, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.
Видали и таких Волков, и многократ, —
Примеры эти не забыты, —
Которые ходили близко стад

Смирнёхонько – когда бывали сыты.
Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе ж притеснить.
Вот заседание в глухом лесу открыли;
Судили, думали, рядили
И, наконец, придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забуянит,
И обижать он Овцу станет,
То Волка тут властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот и в суд тотчас представить,
В соседний лес иль в бор».

В законе нечего прибавить, ни убавить.

Да только я видал: до этих пор, –
Хоть говорят, Волкам и не спускают, –
Что будь Овца ответчик иль истец,
А только Волки всё-таки Овец
В леса таскают.

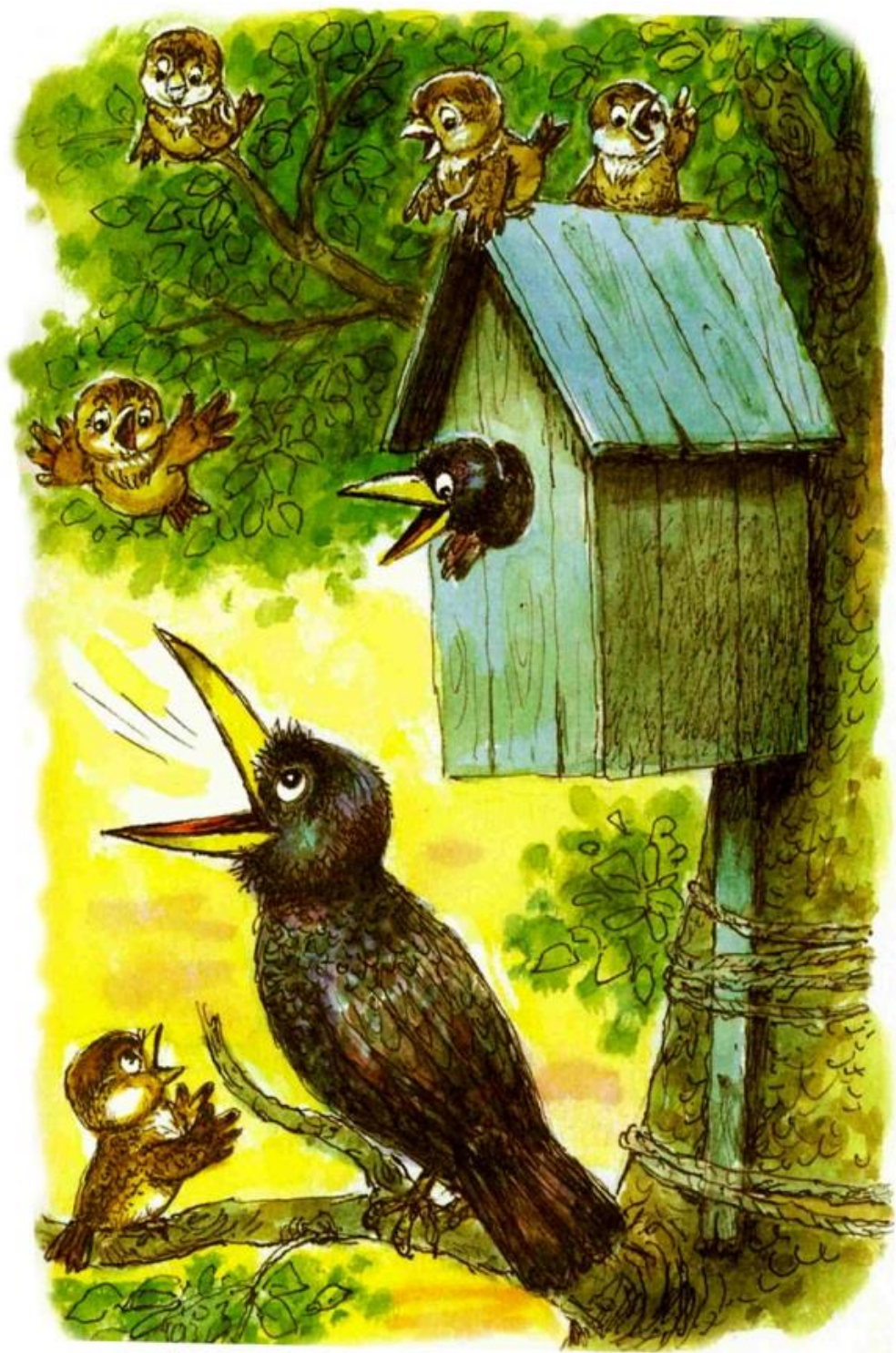

КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок,
 поёшь ты громко, важно!» –
 «А ты, Кукушечка, мой свет,
 Как тянешь плавно и протяжно:
Во всём лесу у нас такой певицы нет!» –
«Тебя, мой куманёк, век слушать я готова». –
 «А ты, красавица, боюсь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
 Чтоб начала ты снова...
Отколь такой берётся голосок?
 И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так, собою невелички,
 А песни, что твой соловей!» –
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поёшь ты лучше райской птички,
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
 Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, –
 Всё ваша музыка плоха!..»

* * *

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

СКВОРЕЦ

У всякого талант есть свой.
Но часто, на успех прельщался чужой,
Хватается за то иной,
В чём он совсем не годен.
А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.
Какой-то смолоду Скворец
Так петь щеглёнком научился,
Как будто бы щеглёнком сам родился.
Игривым голоском весь лес он веселил,
И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен частью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соловья, –
А Скворушка завистлив был, к несчастью, –
И думает: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьиным ладом».
И подлинно запел,
Да только лишь совсем особым складом:
То он пищал, то он хрипел,
То верещал козлёнком,
То не путём
Мяукал он котёнком;
И, словом, разогнал всех птиц своим пеньём.
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль в том?
Пой лучше хорошо щеглёнком,
Чем дурно соловьём.

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за уксусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.

«Ах ты, обжора! ах, злодей! –
Тут Ваську Повар укоряет, –
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька всё-таки курчонка убирает.)

Как! быв честным Кóтом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут, –
А ты... ахти, какой позор!
Теперя все соседи скажут;
«Кот Васька плут! Кот Васька вор!

И Ваську-де, не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает, да ест.)

Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька всё жаркое съел.

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

МУРАВЕЙ

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верный)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:

Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался

И даже хаживал один на паука.

А тем вошёл в такую славу

Он в муравейнике своём,

Что только и речей там было, что о нём.

Я лишние хвалы считаю за отраву;

Но этот Муравей был не такого нраву:

Он их любил,

Своим их чванством мерил

И всем им верил;

А ими, наконец, так голову набил,

Что вздумал в город показаться,

Чтоб силой там повеличаться.

На самый крупный с сеном воз

Он к мужику спесиво вполз

И въехал в город очень пышно;

Но, ах, какой для гордости удар!

Он думал, на него сбежится весь базар,

Как на пожар;

А про него совсем не слышно:

У всякого забота там своя.

Мой Муравей, то, взяв листок, потянет,

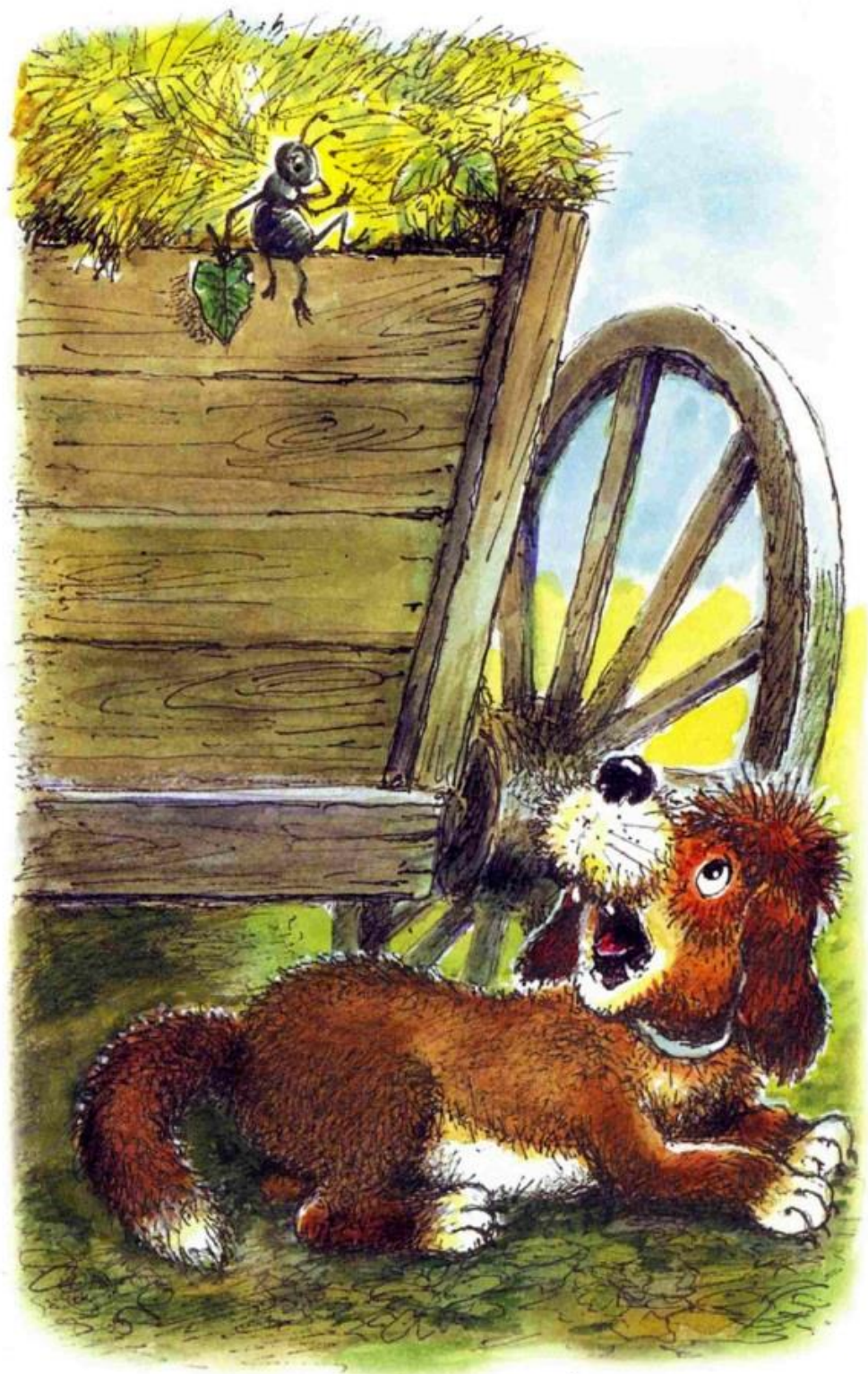
То припадёт он, то привстанет:

Никто не видит Муравья.

Уставши, наконец, тянуться, выправляться,

С досадою Барбосу он сказал,

Который у воза хозяйского лежал:

«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
Как ни тянусь я целый час;
А, кажется, у нас
Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.

* * *

Так думает иной Затейник,
Что он в подсолнечной гремит.
А он – дивит
Свой только муравейник.

СОБАКА, ЧЕЛОВЕК, КОШКА И СОКОЛ

Собака, Человек, да Кошка, да Сокол
Друг другу поклялись однажды в дружбе вечной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У них был общий дом, едва ль не общий стол;
Клялись делить они и радость и заботу,
Друг другу помогать,
Друг за друга стоять.
И, если надо, друг за друга умирать.
Вот как-то вместе все, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко от дому отбились,
Умаялися, утомилися
И отдохнуть пристали у ручья.
Тут задремали все, кто лёжа, кто и сидя,
Как вдруг из лесу шась
На них медведь, разинув пасть.
Беду такую видя,
Сокол на воздух. Кошка в лес,

И Человек тут с жизнью бы простился;
Но верный Пёс
Со зверем злым барахтаться схватился,
В него вцепился.
И, как медведь его жестоко ни ломал,
Как ни ревел от боли и от злости,
Пёс, прохватя его до кости,
Повис на нём и зуб не разжимал,
Доколе с жизнью всех сил не потерял.
А Человек? К стыду, из нас не всякой
Сравнится в верности с собакой!
Пока медведь был занят дракой,
Он, подхватя ружьё своё с собой,
Пустился без души домой.

* * *

На языке легка и ласка и услуга;
Но в нужде лишь узнать прямого можно друга.

Как редки таковы друзья!
И то сказать, как часто видел я,
Что так, как в басне сей был верный Пёс оставлен,
Так тот,
Кто из хлопот
Был другом выручен, избавлен,
Его же покидал в беде,
Его же и ругал везде.

ОХОТНИК

Как часто говорят в делах: ещё успею.
Но надобно признаться в том,
Что это говорят, спросяся не с умом,
А с леностью своею.
Итак, коль дело есть, скорей его кончай
Иль после на себя ропщи, не на случай,
Когда оно тебя застанет невзначай.
На это басню вам скажу я, как умею.

* * *

Охотник, взяв ружьё, патронницу, суму,
И друга верного по нраву и обычью,
Гектора, – в лес пошёл за дичью,
Не зарядя ружья, хоть был совет ему,
Чтоб зарядил ружьё он дома.
«Вот вздор! – он говорит, – дорога мне знакома,
На ней ни воробья не видел я родясь;
До места ж ходу целый час,
Так зарядить ещё успею я сто раз».
Но что ж? Лишь вон из жила
(Как будто бы над ним Фортуна подшутила),
По озерку
Гуляют утки целым стадом;
И нашему б тогда Стрелку

Легко с полдюжины одним зарядом

Убить

И на неделю с хлебом быть,
Когда б не отложил ружья он зарядить.
Теперь к заряду он скорее; только утки

На это чутки:

Пока с ружьём возился он,
Они вскричали, встрепонулись,
Взвились и – за леса верёвкой потянулись,
А там из виду скрылись вон.

Напрасно по лесу Стрелок потом таскался,
Ни даже воробей ему не попадался;

А тут к беде ещё беда:

Случись тогда

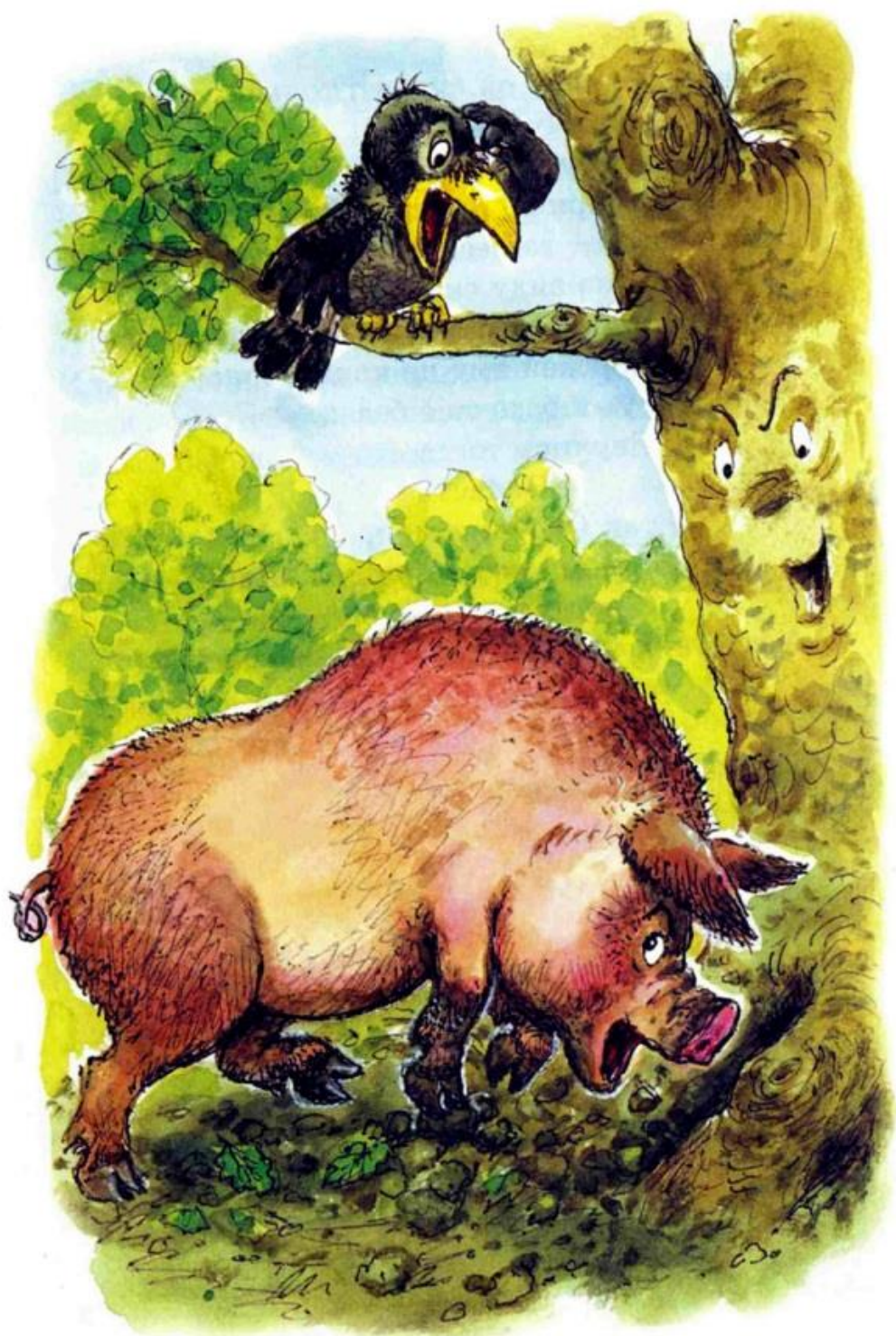
Ненастье.

И так Охотник мой,
Измокши весь, пришёл домой

С пустой сумой;

А всё-таки пенял не на себя, на счастье.

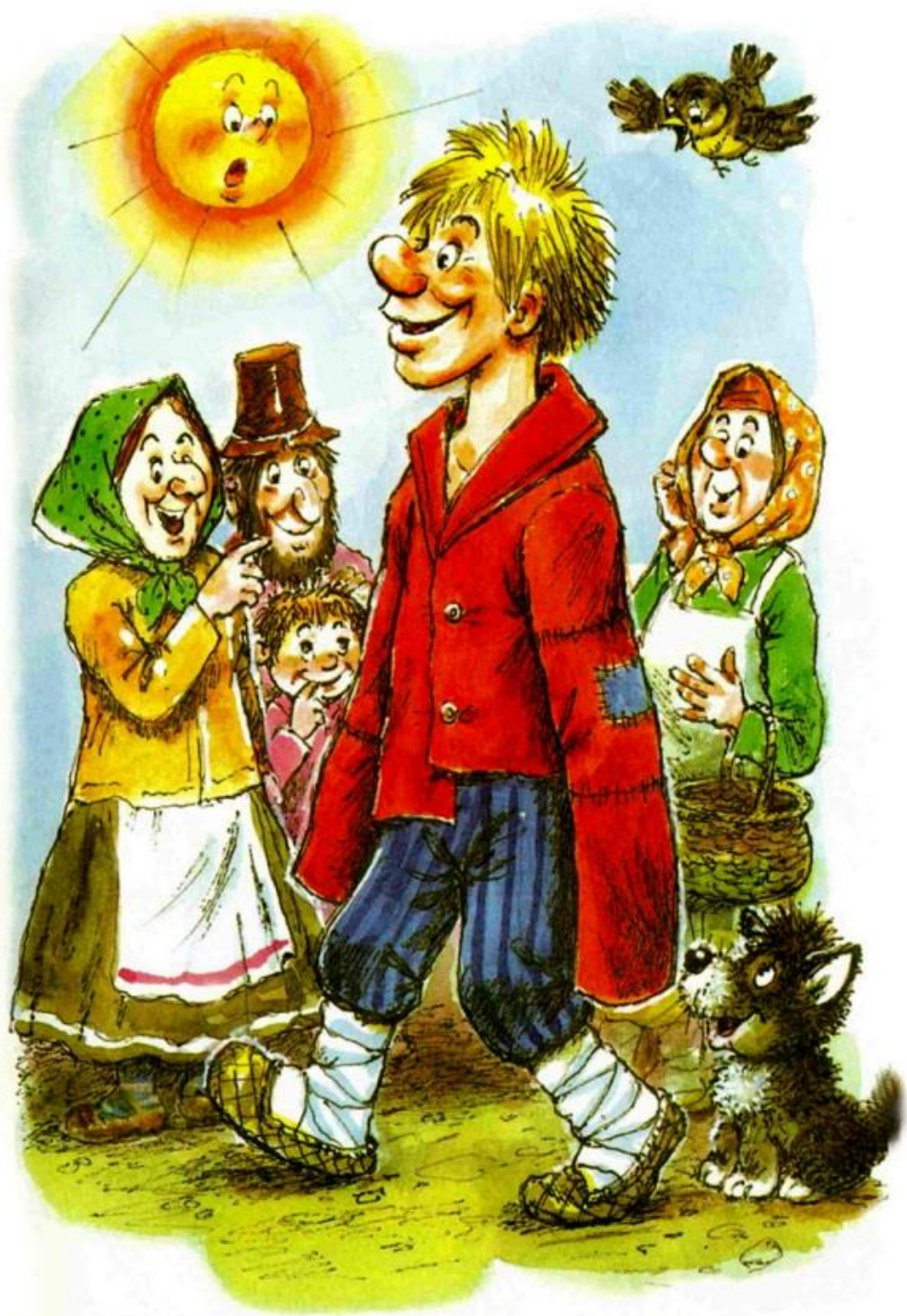

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
 Наевшись, выпалась под ним;
 Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
 «Ведь это дереву вредит, –
 Ей с Дубу ворон говорит, –
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
 «Пусть сохнет, – говорит Свинья, –
 Ничуть меня то не тревожит;
 В нём проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею». –
«Неблагодарная! – примолвил Дуб ей тут, –
 Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
 Тебе бы видно было,
 Что эти жёлуди на мне растут».

* * *

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:

По четверти обрезал рукавов –
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.

Да что до этого печали?

Однако же смеётся Тришке всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не дурак
И ту беду поправлю:

Длиннее прежнего я рукава наставлю».

О, Тришка малый не простой!

Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

* * *

Таким же образом, видал я, иногда

Иные господа,

Запутавши дела, их поправляют,

Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

РЫЦАРЬ

Какой-то Рыцарь в старину,
Задумавши искать великих приключений,
Собрался на войну
Противу колдунов и против привидений;
Вздел латы и велел к крыльцу подвезть коня.

Но прежде, нежели в седло садиться,
Он долгом счёл к коню с сей речью обратиться:
«Послушай, ретивой и верный конь, меня:
Ступай через поля, чрез горы, чрез дубравы,

Куда глаза твои глядят,
Как рыцарски законы нам велят,
И путь отыскивай в храм славы!

Когда ж Карачунов я злобных усмирю,
В супружество княжну китайскую добуду

И царства два-три покорю, –
Тогда трудов твоих, мой друг, я не забуду;
С тобой всю славу разделю:

Конюшню, как дворец огромный,
Построить для тебя велю,
А летом отведу луга тебе поёмны.

Теперь знаком ты мало и с овсом,
Тогда ж пойдёт у нас обилие во всём:
Ячмень твой будет корм, сыта медова – пойло».
Тут Рыцарь прыг в седло и бросил поводя,
А лошадь молодца, не ездя никуда,
Прямёхонько примчала в стойло.

ЩУКА И КОТ

Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдёт на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело всё погубит,
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

* * *

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль её лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял её с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? –
Стал Щуке Васька говорить. –
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится». –
«И, полно, куманёк! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей». –
«Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идёт;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот, –
И крысы хвост у ней отъели.
Тут видя, что куме совсем не в силу труд,

Кум замертво стащил её обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперёд умнее быть
И за мышами не ходить.

КРЕСТЬЯНИН И ЛИСИЦА

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть
Кур красть? —
Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею. —
Я, право, о тебе жалею!
Послушай, мы теперь вдвоём,
Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём
Ни на волос добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грех и стыдно
И что бранит тебя весь свет,
Да дня такого нет,
Чтоб не боялась ты за ужин иль обед
В курятнике оставить шкуры!
Ну, стоят ли того все куры?» —
«Кому такая жизнь сносна? —
Лисица отвечает. —
Меня так всё в ней столько огорчает,
Что даже мне и пища не вкусна.
Когда б ты знал, как я в душе честна!
Да что же делать? Нужда, дети;
Притом же иногда, голубчик кум,
И то приходит в ум,
Что я ли воровством одна живу на свете?
Хоть этот промысел мне точно острый нож». —
«Ну, что ж? — Крестьянин говорит. —
Коль вправду ты не лжёшь,
Я от греха тебя избавлю
И честный хлеб тебе доставлю;
Наймись курятник мой от лис ты охранять:
Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?
Зато ни в чём не будешь ты нуждаться
И станешь у меня как в масле сыр кататься». —
Торг слажен; и с того ж часа
Вступила в караул Лиса.

Пошло у мужика житьё Лисе привольно;
Мужик богат, всего Лисе довольно;
Лисица стала и сытей,
Лисица стала и жирней,
Но всё не сделалась честней:
Некраденый кусок приелся скоро ей;
И кумушка тем службу повершила,
Что, выбрав ночку потемней,
У куманька всех кур передушила.

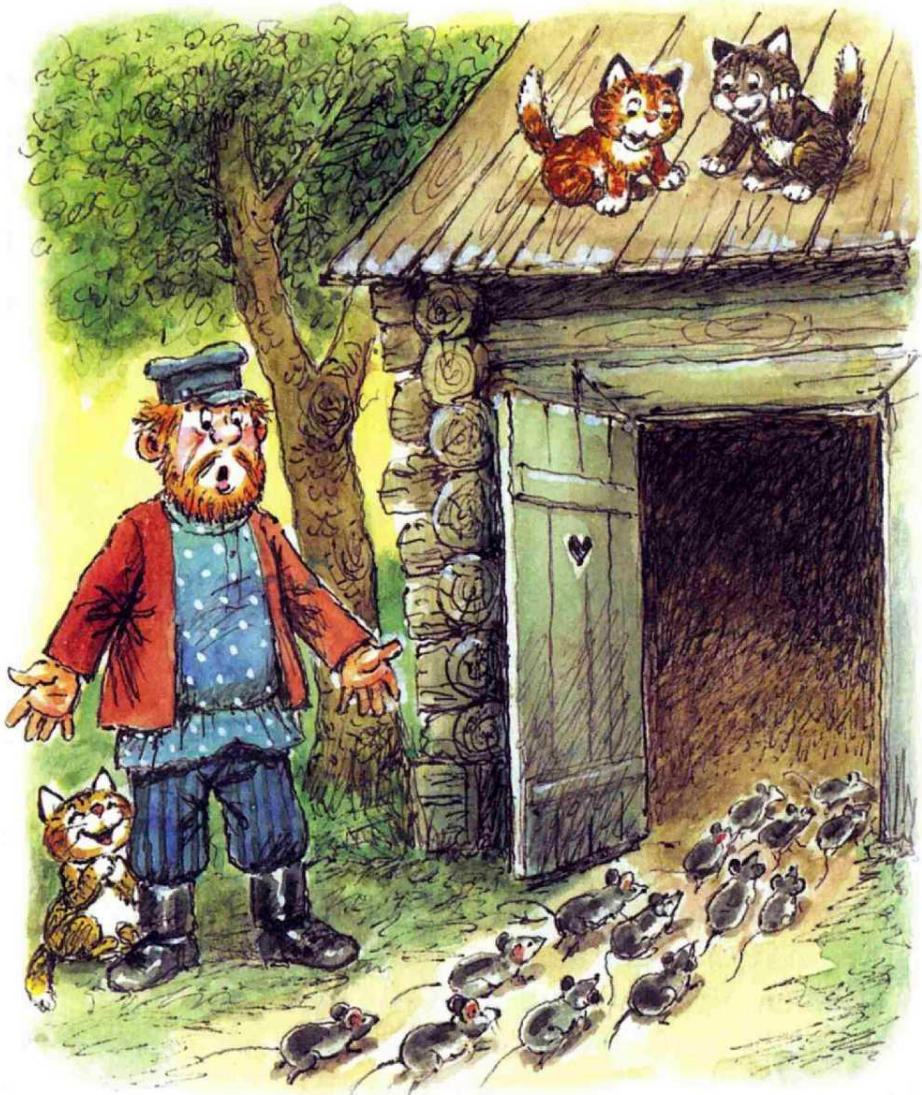
* * *

В ком есть и совесть и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион –
Он воровать не перестанет.

ХОЗЯИН И МЫШИ

Коль в доме станут воровать,
А нет прилики вору,
То берегись клепать
Или наказывать всех сплошь и без разбору:
Ты вора этим не уймёшь
И не исправишь,
А только добрых слуг с двора бежать заставишь,
И от меньшей беды в большую попадёшь.

* * *

Купчина выстроил анбары
И в них поклат съестные все товары.
А чтоб мышиный род ему не навредил,
Так он полицию из кошек учредил.
Спокоен от Мышей Купчина;
По кладовым и день и ночь дозор;
И всё бы хорошо, да сделалась причина:
В дозорных появился вор.
У кошек, как у нас (кто этого не знает?),
Не без греха в надсмотрщиках бывает.
Тут, чем бы вора подстеречь
И наказать его, а правых побережь,
Хозяин мой велел всех кошек пересечь.
Услыша приговор такой замысловатый,
И правый тут, и виноватый
Скорей с двора долой.
Без кошек стал Купчина мой.
А мыши лишь того и ждали и хотели:
Лишь кошки вон, они – в анбар,
И в две иль три недели
Поели весь товар.

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,

Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота

И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Всё это ведь за мной». – «Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он», – Кот Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана». –
«Ну, попробайся ж у Демьяна». –
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унёс козлёнка». –
«Беги ж, вон там живёт Трофим». –
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозитя за ягнёнка!» –
«Ну плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!» –
«Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!» –
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, –
Сказал тут Васька Волку, –
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы, – сам себя вини:
Что ты посеял – то и жни».

ПЧЕЛА И МУХИ

Две Мухи собрались лететь в чужие край,
И стали подзывать с собой туда Пчелу:

Им насажали попугаи
О дальних сторонах большую похвалу.
Притом же им самим казалось обидно,
Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (как людям то не стыдно,
И что они за чудачки!):
Чтоб поживиться им не дать сладостями
За пышными столами,

Придумали от них стеклянны колпаки;
А в хижинах на них злодеи пауки.
«Путь добрый вам, – Пчела на это отвечала, –

А мне

И на моей приятно стороне.

От всех за соты я любовь себе сыскала –

От поселян и до вельмож.

Но вы летите,

Куда хотите!

Везде вам будет счастье то ж:

Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,

Вы ни почтенны, ни любезны.

А рады пауки лишь будут вам

И там».

Кто с пользою отечеству трудится,

Тот с ним легко не разлучится;

А кто полезным быть способности лишён,

Чужая сторона тому всегда приятна:

Не бывши гражданин, там мене презрен он,

И никому его там праздность не досадна.

ДВЕ СОБАКИ

Дворовый, верный пёс

Барбос,

Который барскую усердно службу нёс,

Увидел старую свою знакомку,

Жужу, кудрявую болонку,

На мягкой пуховой подушке, на окне.

К ней ластяся, как будто бы к родне,

Он с умиленья чуть не плачет,

И под окном

Визжит, вертит хвостом

И скачет.

«Ну, что, Жужутка, как живёшь,
С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь, помнишь: на дворе мы часто голодали.

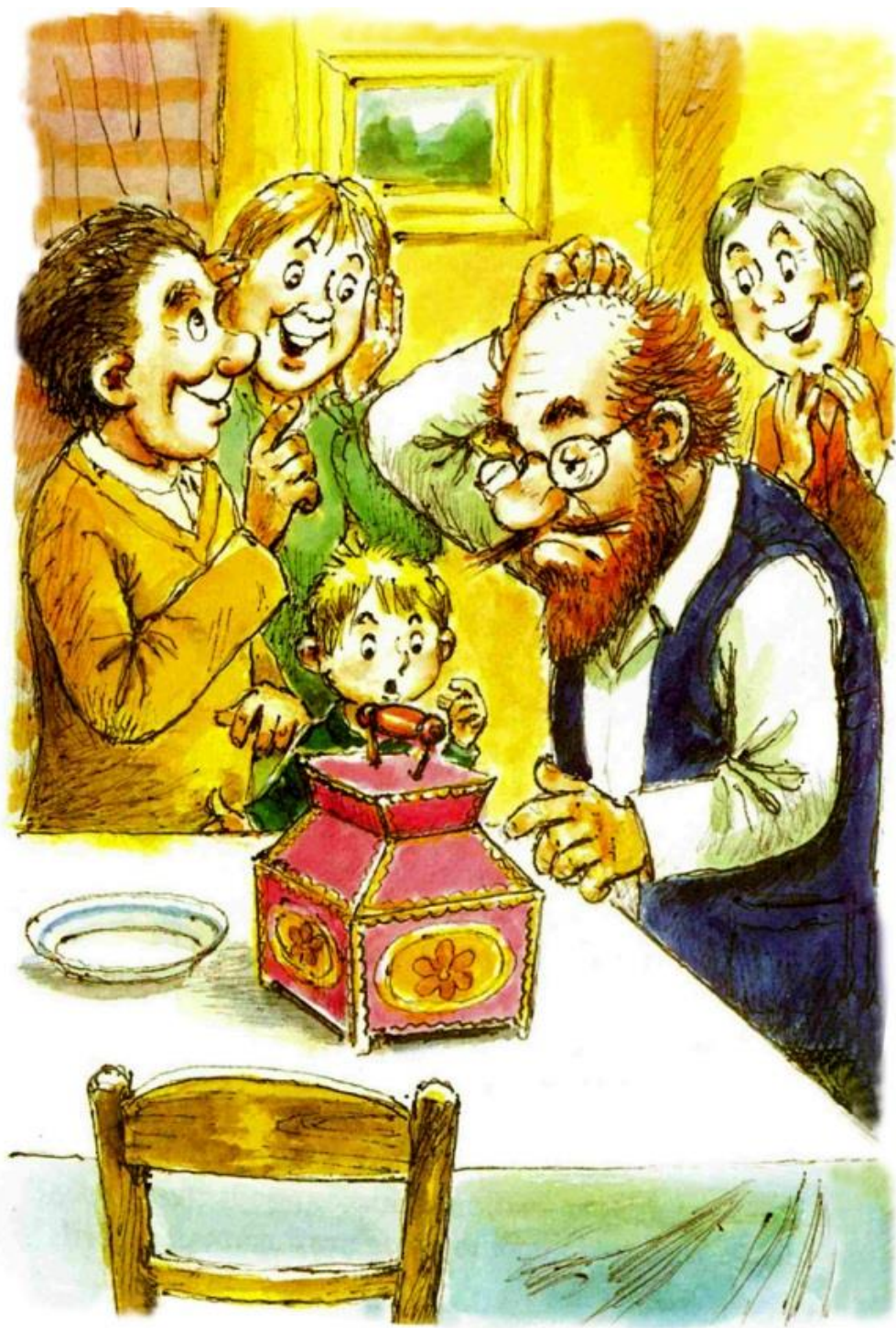
Какую службу ты несёшь?» –
«На счастье грех роптать, – Жужутка отвечает, –
Мой господин во мне души не чает;
Живу в довольстве и добре,
И ем, и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.

Ты как живёшь?» – «Я, – отвечал Барбос,
Хвост плетью опустя и свой повеса нос, –
Живу по-прежнему: терплю и холод,
И голод,
И, сберегаячи хозяйский дом,

Здесь под забором сплю и мокну под дождём;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» – «Чем служишь!
Вот прекрасно! –
С насмешкой отвечал Жужу. –
На задних лапках я хожу».

* * *

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.

* * *

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдаётся:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвётся.
Потел, потел; но, наконец, устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

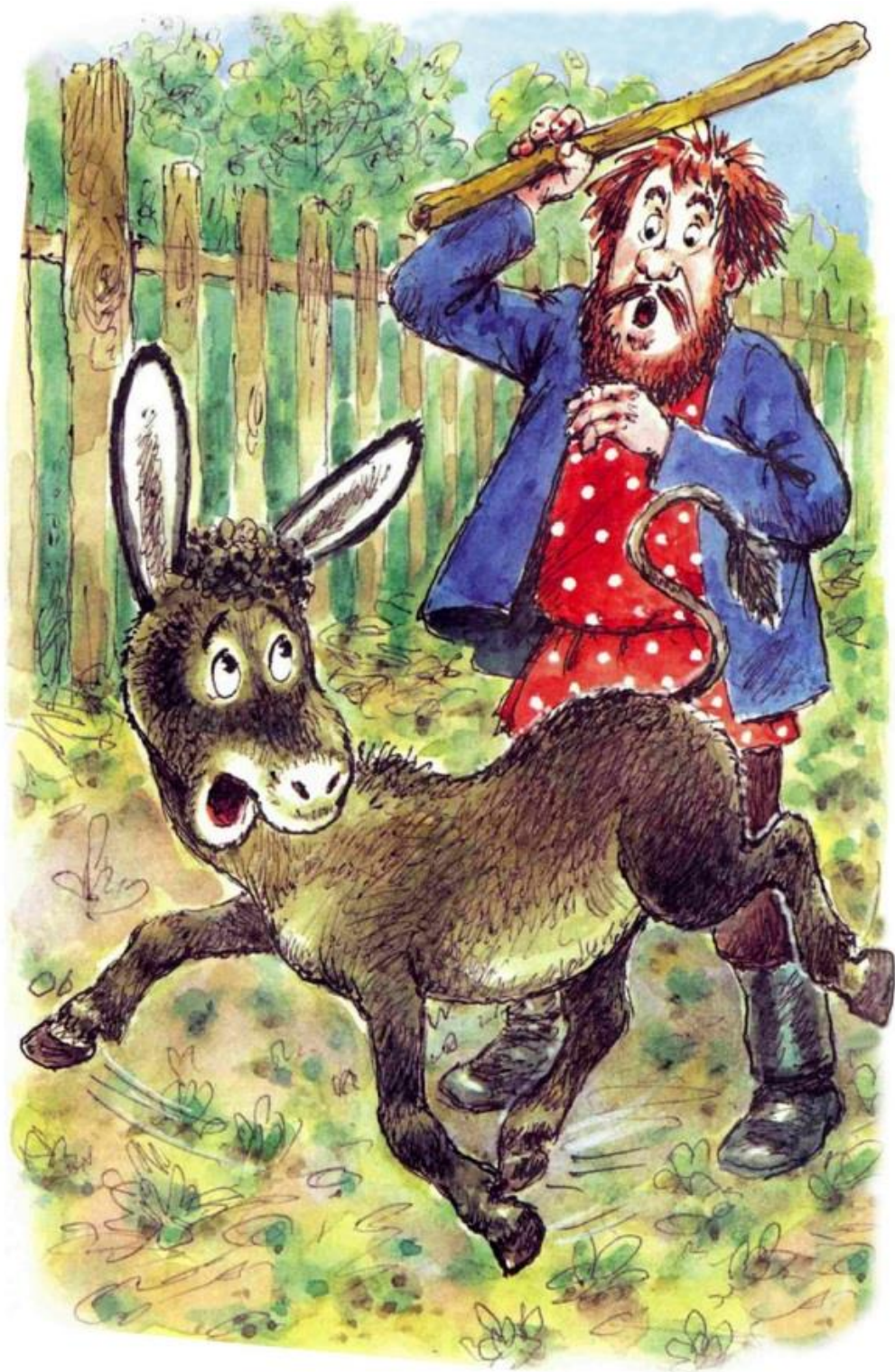

ПРОХОЖИЕ И СОБАКИ

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
 Как вдруг из подворотни
 Дворняжка тявкнула на них;
За ней другая, там ещё две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалось с полсотни.
 Один было уже Прохожий камень взял.
«И, полно, братец! – тут другой ему сказал, –
 Собак ты не уймёшь от лаю,
 Лишь пуще всю раздразишь стаю;
Пойдём вперёд: я их натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
 Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слышать.

* * *

Завистники, на что ни взглянут,
 Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
 Полают да отстанут.

ОСЁЛ И МУЖИК

Мужик, на лето в огород
Наняв Осла, приставил
Ворон и воробьёв гонять нахальный род.
Осёл был самых честных правил:
Ни с хищностью, ни с кражей незнаком,
Не поживился он хозяйским ни листком
И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку;
Но Мужику барыш был с огорода плох.
Осёл, гоняя птиц, со всех ослиных ног,
По всем грядам и вдоль и поперёк
Таковую поднял скачку,
Что в огороде всё примял и притоптал.
Увидя тут, что труд его пропал,
Крестьянин на спине ослиной
Убыток выместил дубиной.
«И ништо! – все кричат, – скотине поделом!
С его ль умом
За это дело браться?»

* * *

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться;
Он, точно, виноват (с ним сделан и расчёт),
Но, кажется, не прав и тот,
Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

ОРЁЛ И ПЧЕЛА

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придаёт,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживлён одной:
Что к пользе общей он трудится.

* * *

Увидя, как Пчела хлопочет вокруг цветка,
Сказал Орёл однажды ей с презреньем:

«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с уменьем!

Вас в улье тысячи всё лето лепят сот:

Да кто же после разберёт
И отличит твои работы?

Я, право, не пойму охоты:

Трудиться целый век, и что ж иметь в виду?..
Безвестной умереть со всеми наряду!

Какая разница меж нами!

Когда, расширися шумящими крылами,

Ношуся я под облаками,

То всюду рассеваю страх:

Не смеют от земли пернатые подняться,

Не дремлют пастухи при тучных их стадах;

Ни лани быстрые не смеют на полях,

Меня завидя, показаться».

Пчела отвечает: «Тебе хвала и честь!

Да продлит над тобой Зевес свои щедроты!

А я, родясь труды для общей пользы несть,

Не отличать ищу свои работы,

Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,

Что в них и моего хоть капля мёду есть».

СОДЕРЖАНИЕ

Ворона и Лисица
Мартышка и Очки
Стрекоза и Муравей
Слон и Моська
Волк и Ягнёнок
Осёл и Соловей
Петух и Жемчужное зерно
Квартет
Лисица и Виноград
Волк на псарне
Лебедь, Щука и Рак
Зеркало и Обезьяна
Демьянова уха
Медведь у Пчёл
Свинья
Волки и Овцы
Кукушка и Петух
Скворец
Кот и Повар
Муравей
Собака, Человек, Кошка и Сокол
Охотник
Свинья под дубом
Тришкин кафтан
Рыцарь
Щука и Кот
Крестьянин и Лисица
Хозяин и Мыши
Волк и Кот
Пчела и Мухи
Две Собаки
Ларчик
Прохожие и Собаки
Осёл и Мужик
Орёл и Пчела

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Анатолий Савченко